

законодателя к провокационной деятельности. Видимо, разработчики нового УПК Украины надеялись, что из-за невозможности использования в качестве доказательств данных, полученных в результате провокации, сотрудники правоохранительных органов (которых погоня за ведомственными показателями побуждает не только к фальсификации статистических данных, но и к нарушению прав лиц, принятию необоснованных решений) потеряют интерес к подобной противоправной деятельности. С другой стороны, отрицание вызывают следующие моменты:

1. Подобной оценки официально заслуживают только подстрекательские действия следователя, однако если провокацию применяет, например, прокурор, должностное лицо оперативного подразделения или иное лицо, привлеченное к участию в негласном следственном (розыскном) действии, то это вряд ли будет иметь какое-то иное значение.

2. Непонятно, чем обусловлен выборочный подход к запрету на использование в уголовном производстве только полученных соответствующим способом вещей и документов, ведь указанный в ч. 2 ст. 84 УПК Украины перечень процессуальных источников доказательств шире.

3. При таком подходе законодателя к использованию в уголовном производстве данных, полученных в результате провокации, фактически остаются без внимания интересы потерпевшего, ведь склонять можно к совершению любого преступления: кражи, изнасилования, умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества и т. п. (где вред причиняется не столько публичным, сколько частным интересам). Для потерпевшего человека нет разницы, как в отношении его совершено преступление: из-за ошибки либо злого умысла виновного или в связи с подстрекательством со стороны правоохранительных органов.

4. Согласно ч. 3 ст. 271 УПК Украины 2012 г. доказательственное значение имеют только данные, полученные в результате провокации преступления. Однако не исключено подстрекательство и к совершению запрещенного уголовным законом деяния невменяемых либо лиц, не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность (в целях применения к ним принудительных мер медицинского или воспитательного характера и т. д.).

5. Запрет использования в качестве доказательств данных, полученных в результате провокации, приводит к тому, что уголовное производство в отношении спровоцированного лица подлежит прекращению на основании п. 3 ч. 1 ст. 284 УПК Украины (в связи с неустановлением достаточных доказательств виновности лица в суде и исчерпанием воз-

можностей их получения). А недоказанность того, что совершено преступление, в котором обвиняется лицо, согласно п. 1 ч. 1 ст. 373 УПК Украины является основанием для постановления оправдательного приговора. Возникает вопрос: насколько справедливо постановлять такое решение в отношении лица, фактически совершившего преступление, пусть и в связи с подстрекательством?

Нельзя оправдывать лицо, спровоцированное на совершение преступления. Оправдание лица, которое поддалось на уговоры совершить преступление, приведет к тому, что оправданными станут настоящие преступники (например, коррупционеры), которые всегда могут заявить, что они оказались спровоцированными на совершение преступления, и избежать наказания за свою преступную деятельность.

6. Действия подстрекателя и спровоцированного им лица являются взаимосвязанными. Если определенные фактические данные, которые могли бы подтвердить факт провокации, нельзя использовать в доказывании в подтверждение совершения деяния спровоцированным лицом, то, логично, что такого же подхода следует придерживаться и в отношении деяний провокатора. Вряд ли это может считаться справедливым.

Приведенные аргументы свидетельствуют о непродуманности законодательного подхода, согласно которому данные, полученные в результате подстрекательства, не могут использоваться в качестве доказательств в уголовном производстве.

УДК 343.131(477)

В.В. Навроцкая, Г.З. Яремко

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА МЕНТОСКОПИРОВАНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Право подозреваемого (обвиняемого) не давать самоизобличительных показаний требует обсуждения вопроса о том, что при наличии в будущем технической возможности сканировать информацию, находящуюся в мозгу человека, и читать его мысли криминалисты этим должны воспользоваться. Б.Г. Розовский убежден, что дебаты по этому поводу будут жесточенными, но прагматизм победит и наступит время, когда общество придет к пониманию того, что преступность несовместима с цивилизацией, а задача защитника – предотвратить осуждение невиновного и назначение несправедливого наказания виновному, но отнюдь не содействовать оправданию преступника.

О том, что появление технологий, которые позволят считывать мысли, и использование их в ходе расследования преступлений является лишь вопросом времени, более того – о наличии уже сейчас такой возможности в литературе упоминалось неоднократно, причем как в изданиях, рассчитанных на широкую общественность, так и в научных работах.

Исследователи говорят о возможности копировать информацию из мозга человека на физический носитель информации. За рубежом в последние годы бурно развивается наука сеттлеретика (от англ. settler – переселенец), разработана технология считывания информации из мозга и переноса ее на компьютерную матрицу. По прогнозам, подобные разработки будут реализованы на практике в 2025 г. Так, утверждается, что нейрофизиологи разработали методику, которая позволит проникнуть в сознание человека, и что уже экспериментально подтверждена возможность выявить намерение лица врать. По мнению Ф. Росса, эта методика будет совершенствоваться и позволит упростить процедуру допроса, а возможно, и приведет к последствиям, показанным в фантастическом фильме С. Спилберга «Особое мнение», когда обвинительные приговоры выносились задолго до совершения преступления. В. Сычев и Дж. Минкель утверждают, что в США учеными, работающими в НАСА, впервые была применена новая технология, которая подтверждает виновность лица в совершении инкриминируемого ему деяния. Это специальный аппарат в виде шлема, который сканирует и записывает мозговые импульсы подозреваемого во время демонстрации ему фотографий с места происшествия. Устройство фиксирует колебания мозга, которые заведомо не контролируются. Электрические голосовые сигналы поступают к голосовым связкам человека даже когда он не произносит слов вслух. Для их фиксации на шее и подбородке крепятся специальные датчики, а сигналы регистрируются с помощью компьютерной программы, причем успех распознавания слов, по утверждению разработчиков этой программы, составляет около 90 %.

К активному использованию в будущем похожего метода ментоскопирования активно призывает М.И. Клеандров: слишком большие перспективы он открывает в сфере обороны, обеспечения безопасности, разведки, контрразведки и розыска.

В чем суть этого метода и чем он может быть привлекательным для правосудия? Все, что воспринимает человек через рецепторы своих органов чувств, хранится в его памяти. Воспроизводится человеческой памятью сегодня лишь малая доля информации, хранящейся в ней. Задача, которая в ходе научно-технического прогресса, вероятно, будет решена, – создание прибора, способного изъять эту скрытую в памяти чело-

века информацию, поступающую к ней через органы чувств. Научные исследования (в том числе в секретных лабораториях) в этом направлении ведутся во многих странах. По отрывочным сообщениям СМИ, в США М. Серф выяснил, какие участки мозга и группы нейронов в них активизируются, когда человек думает о конкретном образе. Результаты исследований позволили ему связать отдельные изображения (предметов, людей и животных) с различными нейронными группами. В Канаде нейрохирург У.Г. Пенфилд в ходе операций стимулировал электрическим током различные участки мозга. Неожиданно у пациентов возникали картины из прошлого, причем со звуком и цветом (хотя пациент осознавал, что находится на операционном столе, он сообщал, что зрительные образы, которые зафиксированы в его мозгу, воспроизводятся точно, как грампластинка, а это значит, что следы образов хранятся в многомерном изображении очень долго). В России научный сотрудник отдела исследований мозга А.В. Левашов создал теорию, согласно которой у людей образы «оседают» в одном участке мозга – в правом полушарии, в височной части.

Соответствующий прибор позволит воспроизвести (через шлем, надеваемый на голову, конечно, без какой-либо лоботомии) на дисплее и через динамики зрительную и слуховую информацию, поступившую в память человека через его зрение и слух в максимально конкретный (значимый для цели правосудия) отрезок времени.

Конечно, процесс внедрения ментоскопии в правосудие не будет простым и одномоментным. Здесь потребуются серьезное процессуальное обеспечение: наличие согласия подсудимого (в более ранних процессуальных стадиях – подозреваемого) или закрепление в законодательстве механизма проведения ментоскопирования без такого согласия с четким определением перечня оснований, условий и процедур принудительного ментоскопирования; гарантия участия (или присутствия) врачей в целях предотвращения каких-либо негативных для здоровья подсудимого последствий сеанса ментоскопирования; гарантия ментоскопирования только конкретного временного периода жизни подсудимого, исключая «подсматривание» или «подслушивание» иных временных периодов его жизни (что будет расцениваться как нарушение неприкосновенности жизни подсудимого).

Очевидно, что овладение человечеством метода ментоскопирования будет иметь много положительных последствий (в виде процессуальной экономии, уменьшения преступности, поскольку раскрываемость преступлений резко возрастет), но появятся и отрицательные моменты, которые будущие поколения наверняка смогут минимизировать.